

КУДА ГЛЯДЯТ МОНУМЕНТЫ

ГЕННАДИЙ
СЕРДИТОВ

Геннадий Дмитриевич Сердитов

Куда глядят монументы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39746764

*Куда глядят монументы: Продюсерский центр ротации и продвижения; Краснодар; 2024
ISBN 978-5-907802-61-2*

Аннотация

В сборник вошли девять разных по величине и тематике рассказов. Это исторические и автобиографические зарисовки, захватывающее повествование о мистических (иногда трагических) совпадениях и колдовском мире любви, а также юмористические миниатюры и философское эссе.

Некоторые рассказы объединены воспоминаниями главных героев о блокадном и послевоенном Ленинграде.

Поиск любви и смысла бытия оказывается для героев Геннадия Сердитова главной задачей, поэтому каждый рассказ (в том числе юмористический), представленный в сборнике, направлен на пробуждение у читателя философского осмысления своей жизни.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Куда глядят монументы	5
Пять смертей Ивана Топоркова	24
Бабушка Васса	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Геннадий Дмитриевич
Сердитов
Куда глядят монументы**

*** * ***

© Геннадий Сердитов, 2024

© Издательский дом «BookVox», 2024

Куда глядят монументы

Сергей Иванович и его друг Альберт Ильич играли в шахматы. На самом деле уже не играли, а просто беседовали за шахматным столиком. Скорый и неизбежный финал шахматной партии был ясен обоим: Сергей Иванович традиционно проигрывал. Но он не спешил укладывать многострадального чёрного короля к ногам обступивших его нахрапистых белых фигур, тянул время ради самочувствия друга – чем дольше тот пробудет в состоянии победного эндшпиля, тем лучше. И домой Альберт поедет, напевая под нос «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»¹. И перед сном у него будет нормальное давление. И сны у него будут розовые. И утром он весело прокричит в телефонную трубку: «А как я виртуозно вчера твоего ферзя уконтрапупил, а?»

Сам же Сергей Иванович не видел ничего зазорного в том, что он, махровый гуманитарий, читавший в подлинниках Эсхила и Софокла, постоянно проигрывает в шахматы доктору физико-математических наук, профессору, заведующему кафедрой математики. Правда, он проигрывал ему и раньше, до всех этих титулов и учёных степеней.

Лет семьдесят назад, будучи ещё пацанами-первоклашками, они жили в двухэтажном дощатом доме на окраине Ле-

¹ Строка из песни «Авиамарш».

нинграда в Старой Деревне. Серёжкин отец на войне не был. Он работал на оборонном заводе и имел бронь, которая, однако, не спасла его от смерти. В первую же блокадную зиму он пропал где-то на улицах города. И никто не знает, был ли виной тому шальной вражеский снаряд, голодная смерть или бандит в подворотне, охотник за продуктовыми карточками.

Алькин же отец, дядя Илья, всю войну провёл на передовой, однако вернулся домой невредимым. С руками-ногами и даже с подарками. Сыну Альке он подарил губную гармошку в яркой коробочке. На крышке коробочки браво маршировали немецкие солдаты в касках, а сбоку от них вышагивал офицер, играющий на губной гармошке. Эту фрицевскую коробочку Алька и Серёжка сразу же сожгли и пепел растоптали. А на гармошке, сидя за домом в большой воронке от снаряда, пытались по очереди выдуть мелодии «Чижик-пыжик, где ты был?» и «Цыплёнок жареный, цыплёнок пареный».

А ещё дядя Илья купил сыну шахматы. Шахматная доска только называлась доской. На самом деле это была картонка, обклеенная бумагой. Шахматные фигурки были простенькие, деревянные. Для приятелей игра в шахматы стала продолжением тех игр в войну, что они с утра до вечера вели на руинах разбитых домов. И названия фигур у них отличались от тех, что печатались в этюдах детских газет. Так, слоны в их дворе назывались офицерами, ладьи турами, а ферзь – королевой. Мальчишкам было обидно, что эти деревянные воины выстраиваются перед сражением совершенно безли-

кие. Друзья как смогли исправили эту несправедливость и налепили своему воинству пластилиновые рты, носы, а главное, глаза.

Вообще-то для игрушек дети – это всегда боги, наделяющие их игрушечными душами и придумывающие для них игрушечную жизнь. У Альки и Серёжки, кроме самодельных деревянных пистолетов и автоматов, других игрушек не было. Потому-то и прозрели в их руках деревянные шахматные болванчики.

Дальше – больше. Какое же сражение без подвигов и героев? А на шахматной доске пешки и фигуры сходились стенка на стенку, побивали друг друга, частенько погибали. И в шахматах подвиги должны отмечаться наградой. К сожалению, у шахматных воинов не было широкой груди под ордена, но приятели и тут нашли выход. Они нахлобучили своим воинам большие пластилиновые шляпы, что-то среднее между старинными треуголками и бабьими кокошниками. На эти шляпы они и стали лепить ордена – цветные пластилиновые шарики. Не остались без наград и боевые кони, только вместо шляп друзья налепили им большие пластилиновые гривы.

– Альберт, помнишь, как мы лепили своим бойцам глаза и ордена из пластилина?

– Прекрасно помню. Однажды батя надумал сыграть со мной в шахматы. И увидел всё это пластилиновое великолепие. Он очень рассердился. Содрал весь этот парад-маска-

рад, отмыл все фигуры в тёплой воде с мылом. Сказал, что мы не в шахматы играем, а гоняемся за наградами.

Альберт Ильич достал из портфеля коробку с табаком, курительную трубку и принялся обстоятельно её набивать. Комната наполнилась сладковатым терпким ароматом дорогого табака.

«Как запах настоящего шоколада», – подумал Сергей Иванович. Припомнился случай, когда он читал лекцию на кондитерской фабрике. Директор фабрики, прощаясь с ним в своём кабинете, открыл сейф и подарил какую-то редкую книгу. Уже сидя в полупустом троллейбусе, Сергей Иванович решил полистать эту книгу и достал её из портфеля. От книги по морозному воздуху салона поплыл сильный ароматный запах.

В от его волны достигли заднего сиденья, там проснулся мужичок в кепочке из кожзаменителя и сказал на весь троллейбус:

– Вот так хорошим табаком пах настоящий довоенный шоколад!

И снова уснул.

Отчего два таких разных продукта имеют похожий запах, Сергей Иванович до сих пор не знал. Общими у них были только элитарное качество и дороговизна. Но мало ли на свете дорогих и качественных продуктов?

Набив трубку, Альберт Ильич отправился курить на лестничную площадку, хотя его никто об этом не просил. Сергей

Иванович откинулся в кресле и прикрыл глаза. Играли они, как обычно, без часов, поэтому не имело значения, сколько он продумает над очередным ходом. Воспоминания о давних пластилиновых глазах и орденах позабавили его.

Сергей Иванович представил себя мальчишкой – большеголовый, рахитичный блокадный пацан в штанах с ляжками, перешитых из маминой довоенной юбки. Затем прыщавый, узкоплечий, в застиранном лыжном костюме студент, которого всерьёз не воспринимала ни одна студентка на филологическом факультете. Аспирант, бледный книжный червь в дешёвом костюме с лоснящимися локтями... Потом друг Алька втянул его сначала в туристические вылазки выходного дня, затем в серьёзные горные походы, в альпинизм. И откуда что взялось – появились и мышцы, и раздавшиеся в ширину плечи. И любимая женщина, жена... К пятидесяти годам он имел в своём активе не только научные труды, знание четырёх языков, хорошо оплачиваемую должность и состоявшихся успешных потомков, но и внешность светского льва с роскошной серебряной гривой и в дорогих, сшитых по мерке костюмах, галстуках и рубашках от-кутюр. С дорогими запонками.

Чем старше он становился, тем импозантней выглядел. Ему частенько звонили из мэрии, приглашали на разнообразные дипломатические приёмы и светские пати. Включали его и в делегации, представлявшие город за рубежом. В Европах он обзавёлся массой знакомых, регулярно присылав-

ших ему поздравительные открытки к Новому году и к Рождеству.

Один из них, Вольфганг Кайль, отставной адмирал, главный редактор журнала Naval Forces, как-то сказал ему:

– Мой отец воевал под Ленинградом. Он сказал мне: «Никогда не воюйте с русскими».

– Это говорил ещё Бисмарк.

– Я знаю. Но Бисмарк – это монумент во всемирной истории, а мой отец – простой солдат, который мёрз в окопах на Пулковских высотах. Для меня это самый непререкаемый первоисточник.

Сергей Иванович вынырнул из своих воспоминаний. Играют они теперь с другом за шахматным столиком, инкрустированным уральскими самоцветами. И фигуры на нём не чета былым деревяшкам – резная слоновая кость да чёрный авантюрин, внутри которого мерцают золотые искры.

Внезапно по телу Сергея Ивановича прошла судорога. Нет, не судорога – от темечка до пяток прокатилась какая-то непонятная волна вибрации. Она длилась всего мгновение. Сергей Иванович никогда раньше не испытывал ничего подобного и испугался. Открыл глаза, пошевелил пальцами рук и ног – слушаются безупречно. Встал, покрутил головой, сказал громко «эквилибристика» – никаких отклонений. Глянул на шахматные фигуры и вздрогнул. Оказывается, его храбрый король не пропадает в западне, окружённый белыми киллерами, а смело и мудро оттягивает на се-

бя бестолковое белое воинство. Оставшиеся на доске чёрные фигуры расчётливо расположились на дальних клетках и напряглись в ожидании своего часа. Сергей Иванович увидел весь эндшпиль вперёд ходов на двадцать, хотя никогда раньше не мог рассчитать больше двух-трёх ходов. И понял он, что только что пережил своё «золотое» мгновение.

Вообще-то, у каждого человека в жизни случаются прекрасные моменты. Сергей Иванович знал, что художественная литература полна яркими вспышками таких моментов. Пушкинское «чудное мгновение» и «Остановись, мгновение! Ты прекрасно!» Гёте, да и сам Сергей Иванович пережил их несколько – и когда взошёл на свою первую вершину Сулахат на Кавказе, и когда впервые ночевал в лыжной хижине со своей будущей женой... Вспомнились и собственные шутейные стихи для давнишнего издательского корпоратива: «Бежим, суедемся и много жуём... Как мало прекрасных моментов живём!»

И он, Сергей Иванович Потапов, только что пережил не просто прекрасное мгновение, а «золотое», которое случается с одним смертным из десятка миллионов землян. Мгновение, которое, по мнению тибетских монахов, раскрывает у человека «третий глаз».

Когда в комнату вернулся Альберт Ильич, весь пропахший ароматным дымом, Сергей Иванович начал свой победный эндшпиль, как у Высоцкого, «оттолкнувшись ногой от Урала». Для начала он пожертвовал одну за другой три фи-

гуры. Альберт Ильич воспринял это как предсмертную агонию команды противника, но напевать под нос перестал. И жертвы, чтобы понапрасну не терять свои фигуры, кряхтя, принял. И тут выяснилось, что капкан вокруг чёрного короля рассосался, а белый король, напротив, беспечно оставленный своей гвардией под слабой защитой двух пешек, оказался в центре батальных страстей.

– А король-то голый, – пошутил Сергей Иванович и планомерно, шаг за шагом, довёл партию до победного конца. Обескураженный Альберт Ильич смотрел на доску, где было густо его белых фигур и совсем мало чёрных и тем не менее его король получил мат. На его глазах случилось нечто, что он воспринимал не иначе как чудо.

– Ну, Серёга, – бормотал он, – прямо Фанфан-Тюльпан и семь самураев в одном флаконе...

Вечером Сергей Иванович позвонил другу:

– Как ты там? Как давление?

– Ты не поверишь – давление как у юного ковбоя. Сижу разбираю нашу партию и летаю в облаках от восторга, какой ты мне показательный мордобой устроил! Потрясающий этюд! Не возражаешь, если я пошлю этот эндшпиль в «Шахматы вокруг света»? Пусть пацаны поучатся.

– Не возражаю. – У Сергея Ивановича отлегло от сердца. Всё-таки он переживал за друга.

Утром в понедельник, как обычно, он пришёл в офис за час до начала работы. Его издательство, помимо всевозмож-

ных книг, словарей, справочников, атласов, рекламных буклетов, выпускало три журнала. И всё это хозяйство сейчас едва держится на плаву – неумолимо движется к закату золотой век бумажного носителя. Прогресс с неотвратимостью асфальтового катка перемалывает на своём пути устаревшие достижения человеческого разума. С хрустом металла, стекла, пластика, костей... Давно исчезли медные самовары, бензиновые примусы и коптящие керосинки, ламповые телевизоры и радиоприёмники, плёночные магнитофоны и фотоаппараты, бухгалтерские счёты и механические арифмометры... Теперь вот пришла очередь бумажной книги.

Но не всё так однозначно. Никто уже не пишет стихов при свечах, но в каждом доме свечи имеются. И не только на случай проблем с электричеством. Иногда при свечах пьют хорошие вина и поют старинные романсы. Или старые студенческие песни. Под гитару.

Сегодня у Сергея Ивановича в голове роятся десятки идей – как их издательству не просто выжить, а расправить крылья и взлететь и ещё много лет побыть на гребне делового успеха. Чтобы, как в былые годы, постоянно звонили телефоны, по коридору носились взмыленные сотрудники, не было отбоя от заказчиков рекламы, не хватало времени на перекуры и кофе... И чтобы его стол был завален горой бумаг, писем, пакетов...

Сергей Иванович глянул на жалкую кучку утренней корреспонденции и сразу же увидел в ней большой красный кон-

верт.

«Опять...» – пронеслось в его голове. В это время в кабинет заглянул совершенно лысый Илюша Репкин, их штатный фотограф и по совместительству ведущий остряк и анекдотист издательства.

– Илья Ефимович, заходи! – крикнул ему Сергей Иванович.

Почти полный тёзка знаменитого живописца Ильи Ефимовича Репина Илюша Репкин был коренаст, одет в выдавшую виды замшевую куртку и мешковатые вельветовые штаны. И повсюду таскал с собой потёртый кожаный кофр с фотоаппаратурой.

– Чем порадуешь, Илюша? – спросил Сергей Иванович. – На носу туристический сезон. Снова будем пичкать гостей города старыми фотоальбомами?

– А что делать?.. – тяжело вздохнул Репкин. – Все достопримечательности тысячу раз сфотографированы со всех мыслимых ракурсов. С земли, с крыш, с дирижабля, с вертолёта, с дрона... Пора переквалифицироваться в управдомы.

– Сколько в городе монументов? – спросил Сергей Иванович.

– Много. Только императоров и фельдмаршалов десятка полтора наберётся.

– И куда они все смотрят?

– В каком смысле?

– В прямом. У них же у всех есть глаза. Пусть бронзовые,

чугунные, мраморные, но они ведь куда-то смотрят. Ты задумывался, куда они глядят?

– Зачем мне это?

– Затем, что ты не какой-нибудь уличный халтурщик. Ты художник, творец. Прикинь, какой фотоальбом можно сострять: «Куда глядят монументы». В левой части разворота вид на сам монумент. А справа – кусок улицы, на который он вынужден вечно пялиться. Или снимок издалека ему в затылок с панорамой, открывающейся его взору. По-моему, такого ещё не было.

– Точно не было. Хорошая идея, – глазки у Репкина загорелись.

– Это потянет за собой массу хлопот, да не беда, сдюжим. Понадобится операторский кран, я договорюсь с киностудией об аренде. Ещё нужен будет дрон.

– Зачем?

– А как ты поведаешь нам, куда смотрит ангел на Александровской колонне? Сам полезешь?

– Если будет дрон, не нужен мне никакой операторский кран.

– Согласен. Вот видишь, стоило тебе включить голову и процесс пошёл. Теперь иди составь список объектов для первого альбома.

Сияющий Илюша, подхватив кофр и смешно косолапя, засеменил к дверям. Остановился.

– Начну с Медного всадника. И дам две картинки – куда

глядит Пётр и кудаглядит его конь. Каково?

– Про змею не забудь, – бросил ему Сергей Иванович.

– Какую змею?

– Которая под копытами.

– А что она там может видеть, кроме царских тапочек да конских яиц?

– Вот и сфотографируй. Может так случиться, что эта змея станет звездой твоего альбома... Обыватель непредсказуем. Независимо от того, откуда он сошёл – с электрички на Витебском вокзале или с круизного лайнера в Гавани. Как бы не пришлось нам делать эту змею хедлайнером и выносить на обложку. Заодно с царскими тапочками и конскими яйцами.

Сергей Иванович откинулся в кресле. В десять часов будет обычная для понедельника оперативка. Соберутся главные редакторы журналов, заведующие отделами, руководители типографии. И он обрушит на их головы массу новых идей. Он сейчас видел и знал столько, что временами самому становилось не по себе. Чего только стоит приснившаяся ему ночью картина мироздания... Звёздная материя, чёрные дыры, тёмная энергия... Да никакой тёмной энергии нет! Всё это выдумки яйцеголовых теоретиков. От бессилия, от незнания Истины. Придумали искусственную модель, чтобы хоть как-то объяснить наблюдаемую реальность. На самом деле есть огромные энергетические тоннели, пронизывающие космос... Он обязательно напишет статью об

этом. И подпишется «Дилетант», нет, лучше «Звездочёт». Разумеется, столпы науки даже не заметят статью в каком-то молодёжном научно-популярном журнале. Иначе чего будут стоять их многотомные академические труды, их звания и должности? Но кто-нибудь из молодых прочтёт и задумается. И с годами проникнется. И докажет, что эта модель идеально описывает наблюдаемые процессы. А со временем забурееет и перевернёт всю нынешнюю физику. И философию. И математику. Всё нынешнее миропонимание...

Он открыл глаза. Перед ним опять стоял Репкин. Фотограф весь светился, ни дать ни взять ходячий софит из его студии в подвале.

– Сергей Иванович! Какая богатая идея! Я тут прикинул, я вокруг одной только Екатерины с её хахалями могу сварганить полновесную фотосессию!

– Илюша, охолонь, не жадничай. Для начала спланируй первый альбом – забойный, скандальный, на грани фола. Остальные идеи складывай в папку. Работы хватит не на один год. И подумай, как защитить идею. В мире тысячи истуканов – королей, генералов, композиторов, писателей... Акулы турбизнеса схватятся за нашу идею. Шут с ними, мы не гордые... Пусть только платят денежки. Защитимся зонтичными патентами.

– Какими патентами?

– Ступай к юристу, он тебе объяснит.

Оставшись один, Сергей Иванович потянулся к почте,

первым делом взял красный конверт. Эти конверты вот уже два месяца приходили по понедельникам. Без обратного адреса, без какого-либо сопроводительного письма. В каждом конверте только одна картонка-паспарту с наклеенным листом-акварелью. И на всех картинках только Питер. Набережные каналов, рек и речушек, соборы, дворцы, парки – всё то же самое, что и на фотографиях Илюши Репкина. И всё в акварельной романтической дымке, как и в работах сотен других акварелистов. Но в этих листах из красных конвертов было какое-то своё непостижимое обаяние игры света и тени. Они будто подхватывали зрителя лёгкой музыкальной волной, уносили в розовато-голубоватые воздушные сферы то ли забытого детства, то ли непознанного рая. Сотни раз виденные гордые шпили и строгие проспекты плыли по воздуху подобно невесомым парусникам, наполняя душу зрителя мистическим светом и неземными мелодиями.

Взяв в руки красный конверт, Сергей Иванович вдруг понял многое о таинственном художнике. Он мысленным взором чётко увидел его имя, отчество и фамилию. А ещё, что он старик, ему за восемьдесят. Но всё ещё ощущает себя мальчишкой, носит короткие курточки и рюкзачок, до сих пор бегаёт за автобусами и трамваями. У него два взрослых сына-спортсмена, весьма практичные невестки и толковые внуки. Его жена властная, ироничная, сохранившая многое от внешности былой первой красавицы конструкторского отдела. И все вместе они считают художника чудаком. Если не

сказать юридическим или старым клоуном. Несмотря на то, что он работал математиком, защитил кандидатскую и напечатал статью в солидном научном журнале.

Сергей Иванович непостижимым образом увидел даже огрехи в диссертации художника. И понял, что математика для того была ради хлеба насущного, а вот акварель...

«Сильнейшие комплексы не позволяют ему громко заявить о себе, вот и шлёт анонимно свои шедевры. Да ничего, теперь мы его явим миру. И вздрогнут искусствоведы. И оживут любители живописи. И прагматичные невестки, эти ушлые бизнесвумен, станут, как говорится, ему ноги мыть и воду пить. И жена его, седовласая королева кухни, вдруг осознает, что её бывший любовник, начальник их конструкторского отдела, всего лишь жалкий мужичок-червячок с удочкой на одной из акварелей её знаменитого мужа. Держись, Всеволод Витальевич, я уже лечу за тобой!»

Он вскрыл конверт. На очередной картинке была изображена городская улица ранним утром. Измайловский проспект. Белые облака и яркая голубизна между ними. Бежевые, жёлтые, красные мазки – это верхние этажи домов, уже освещённые солнцем. Эмпирея – праздник огня и света, обиталище древнегреческих богов и раннехристианских святых... А ниже сплошные фиолетово-синие тени – фасады домов, машины, люди... Размытые формы, мерцающие лиловые блики, зыбкие образы ирреального мира... Ускользающие тени... Синий мрак...

И вот он уже не генеральный директор издательства Сергей Иванович Потапов, а боец местной противовоздушной обороны Надя Суетова, получившая увольнительную и топящая домой по Измайловскому проспекту ранним мартовским утром 1942 года. Она несёт в вещмешке сухой паёк – осьмушку чёрного хлеба и прессованный бледно-розовый брикет киселя. А ещё плитку настоящего шоколада. Шоколад вчера за ужином раздал старшина. И наказал больше одной дольки в день не есть. Но её соседка по казарме, Мафтуна Назарова, съела сразу всю плитку. И через некоторое время с ней случился припадок – она начала хохотать, носиться по узкому проходу между трёхъярусными железными кроватями, хватать подвернувшихся под руку девчонок и требовать, чтобы те танцевали с ней вальс. Потом её начало тошнить. Приступы рвоты сотрясали щуплое девичье тело, извергая изо рта коричневые пузыри и слизь. Прибежал старшина, связал несчастную полотенцами, уложил. И стал вливать ей в рот воду из большого медного чайника.

Оглядел столпившихся вокруг перепуганных девчонок, по-отечески ласково сказал:

– Ну что, бойцыцы, дуры бестолковые? Просил же вас больше одной дольки не есть... В следующий раз буду по дольке и выдавать.

И всё-таки хорошо, что старшина выдал им сразу по плитке. Надя отнесёт шоколад маме и расскажет про Мафтуну. Мама мудрая, будет класть под язык малюсенький кусочек

шоколада и долго-долго сосать. И выживет. Ещё в вещмешке лежали две пачки махорки, они входят в обязательное солдатское довольствие. Мама на толкучке обменяет их на сухари. Или на сладкую землю с пожарища разбомбленных Бадаевских складов.

И тут Надя увидела, как навстречу ей едет колонна мертвецов.

А дело было так. Всю голодную зиму специальные команды собирали по городу замёрзшие трупы. Тех бедолаг, кого смерть настигла в районе от Фонтанки до Обводного канала и от Екатерингофки до Витебского, свозили в Троицкий собор на углу Измайловского и Москвиной. Первых мерзляков укладывали на пол. Потом пришлось складывать штабелями. К весне в этих страшных смёрзшихся штабелях уже было много сотен окоченевших тел. Было решено, пока окончательно не потеплело, отвезти их на Пискаревку. Там уже гремели взрывы: готовили рвы для братских могил.

У старшего лейтенанта Волкова был в распоряжении взвод нестроевых доходяг и семь грузовиков – пять полуторок ГАЗ-ММ и две трёхтонки ЗИС-5. И приказ: уложиться в один световой день. Как с этим управиться, он себе не представлял. Выручил один из шофёров, он на своей полуторке возил продукты по Ладоге, точнее, по Военно-автомобильной дороге № 101 (102).

– Товарищ старший лейтенант, вы этих жмуриков на поплавайте, один к одному. Так больше в кузов влезет. Потом их

верёвкой обхватим, чтобы не вываливались. Мы так говяжьи и свиные туши возим. Только брезентом прикрываем, чтобы народ не дразнить.

Волков ожил, он понял, что теперь за несколько ходок управится. Верёвки его старички где-то раздобыли, а вот брезента не было. Да не беда, обойдёмся...

И вот уже первая колонна готова. Те весёлые довоенные люди, которые прежде суетливо семенили по тротуарам этого города, висли на подножках переполненных трамваев, переругивались в очередях за балтийской корюшкой, пили газированную воду и ели эскимо на палочке в парках, теперь в последний раз ехали по знакомым полупустым улицам. И каждый в позе и с гримасой, в каких его настигла и заморозила смерть.

Боец МПВО Надя Суетова увидела скорбную колонну и не сразу поняла, что это такое. Война, блокада... Она, вчерашняя школьница, за несколько месяцев много раз видела смерть и не то чтобы привыкла, а как-то задубела, покрылась невидимым панцирем, защищавшим её от потрясений. И тут вдруг эта колонна... Подумалось: этой колонне надо бы после войны проходить по Дворцовой площади, открывая военный парад. И по Красной площади в Москве... И по главным площадям и улицам всех городов в мире...

А Сергей Иванович уже стоял в кузове одной из этих машин и стеклянными глазами своего замёрзшего в сугробе отца смотрел на проплывающий мимо город. Вот какой-то оч-

карик на тротуаре снял с головы шапку и замер. Рядом перекрестилась женщина с зелёной противогазной сумкой через плечо. Вот взял под козырёк худощавый командир в чёрной флотской шинели... В одном кузове с Сергеем Ильичом стояли две женщины с отрезанными ягодицами. Обоих подобрали на Курляндской улице. Он даже видел этого негодяя – одноногий сапожник с чёрной кирзовой сумкой в руках. Красивое лицо, чёрные вьющиеся волосы, голубые глаза... Порода... Его зарежут летом сорок шестого года на Барахолке, которая будет шуметь на берегу Обводного канала. На глазах бронзового Сталина, что стоит у вокзала...

В кабинет Сергея Ивановича собирались люди на оперативку. Переговаривались вполголоса – шеф сидел, прикрыв глаза, перед ним на столе лежала акварель. Когда все уселись, Репкин громко кашлянул. Сергей Иванович не шелохнулся, не поднял век.

Он покинул этот мир.

Пять смертей Ивана Топоркова

В мае сорок пятого года, сразу после Победы, семилетний Митя с мамой и старшей сестрой вернулись в Ленинград из эвакуации, вернулись в свою квартиру в Старой Деревне.

Тогдашняя Старая Деревня была уникальным местом обитания людей. С одной стороны был огромный город, с другой – леса, луга и болота. С одной стороны можно было, одевшись попримичней, сесть в трамвай и уже минут через двадцать катить по Петроградской стороне к Невскому проспекту. Или, пройдя через Елагин остров (ЦПКиО – Центральный парк культуры и отдыха), выйти на Крестовский остров и далее ехать, хочешь, на Большой проспект Петроградской стороны, хочешь, на Большой проспект Васильевского острова. С другой стороны можно было, перейдя железную дорогу, крутить педали велосипеда или топтать босиком по тропкам среди луговых трав и цветов, распугивая бабочек и стрекоз.

Соседство ЦПКиО дарило стародеревенским пацанам радость всю зиму напролёт носиться на коньках по его многочисленным каткам. А летом поглощать копеечное молочное эскимо на палочке, лицезреть выступление на эстраде лучших питерских артистов и смотреть кино в летнем кинотеатре.

Но огромный город одаривал свою историческую окраи-

ну не только благами цивилизации. С какого-то времени за железнодорожным полотном напротив их дома была устроена городская свалка, и десятки серых машин повезли туда содержимое городских помоек.

Запомнился Мите ещё один щемящий момент, когда на стародеревенские огороды высадился десант работяг с лопатами. Грязный грохочущий бульдозер сгребал с огородов плодородный слой до белёсого суглинка, работяги, в основном женщины, в серых, как тот бульдозер, ватниках весело закидывали лопатами эту землю в кузов грузовых машин, и те увозили её. Куда? То ли на городские газоны, то ли кому-то на дачу, – то пацанам, наблюдавшим этот грабёж среди бела дня, было не ведомо. Взрослые были на работе, иначе неизвестно, чем бы этот грабёж обернулся. Ведь в эти клочки земли годами вносились удобрения – печная зола, коровий навоз, покупаемый здесь же, у стародеревенских частников. Кого-то эти картофельные огороды спасли в блокаду. И серьёзно поддерживали в не самые сытные послевоенные годы.

Впрочем, ни у кого из хозяев этих огородов никаких документов на владение ими не было. Ушлые во все времена чиновники это прекрасно знали. И Старая Деревня покорно промолчала. Только женщины по углам перешёптывались: «Сталин-то этого не знает».

Ещё одна уродливая часть окраины большого города – самоубийства. В любой стране, да, пожалуй, и в любом большом городе, есть такие зловещие места, где нередко несчаст-

ные сводят счёты с жизнью. Отвесные скалы, водопады, мосты...

Было такое место и в Старой Деревне – участок железной дороги рядом с Митиным домом. Здесь и без того редкие постройки расступались, уходили в сторону от железнодорожного полотна, и рельсы как бы вырывались на свободу, устремляясь к Лахте по безлюдной болотистой местности с унылыми кустами и рахитичными деревцами. Именно здесь, где железная дорога, огибая болото, делает небольшой плавный поворот вправо, иногда подолгу стояли поезда, дожидаясь завершения всех дел, сопутствующих случившейся трагедии. Естественно, пацаны бегали туда (а как же без них?!) и, замирая от ужаса, глазели на разбросанные по насыпи и шпалам части, ещё недавно бывшие целым живым человеком. Что-то неподдающееся пониманию, мрачное и страшное вторгалось в их сознание. Оно никак не вписывалось в то, что им говорили в школе учителя и пионервожатые, о чём вещала по радио бодрая «Пионерская зорька», о чём радостно писали детские газеты «Пионерская правда» и «Ленинские искры».

Наверняка все не раз видели в цирке или на эстраде фокус, когда ряженный маг распиливает чёрный ящик с очаровательной ассистенткой внутри. Все зрители знают секрет этого фокуса, понимают, что их примитивно и беззастенчиво дураят, тем не менее ахают, смеются и хлопают в ладоши. Митя не любит этот фокус. И каждый раз ждёт, когда из ящика

выскочит живая и невредимая обаяшечка. Уж он-то знает, что в жизни таких чудес не бывает, он навсегда запомнил, как на самом деле выглядит половина человека.

Но что было, то было. И никто из пацанов тогда не думал не гадал, что подобное может случиться с кем-то из их дома. Однако по порядку.

В их дворе только у троих пацанов отцы вернулись с войны живыми. Первым пришёл Борькин отец Илья Иванович. Он был фронтовым шофёром, возил на передовую снаряды. Отец Женьки Гербеса был водолазом и вряд ли в своём водолажном облачении – резиновом скафандре и свинцовых ботах – появлялся на передовой. Он был могуч и молчалив. Зато отец Вовки Имая, дядя Ваня Топорков, пришедший последним, поскольку успел повоевать ещё и с японцами, сидя на лавочке во дворе, охотно делился своими фронтовыми историями. Из его рассказов Митя запомнил, что перед уходом на войну его якобы заговорила от смерти их деревенская колдунья. И он пять раз чудом спасся от, казалось бы, неминуемой смерти.

Первый раз это случилось, когда они со старшиной отправились в тыл за мылом. Вернувшись утром, он узнал, что его взвод поголовно вырезали финские лыжницы. Во второй раз, когда он сопровождал кого-то из офицеров с документами в штаб, они опоздали, как он выражался, на «ероплан», и этот самолёт был сбит.

Остальные его чудесные спасения в Митиной голове за-

терялись, переплелись с сотнями других подобных историй, слышанных, читанных или виденных на экране за долгие годы жизни. Он твёрдо помнил лишь то, что у дяди Вани этих спасений было пять. Пять случаев чуда, позволивших рядовому Ивану Топоркову целым и невредимым выйти из кровавой круговерти войны... И вернуться, чтобы вскормить, вырастить, поставить на ноги пятерых детей – четверых сыновей и одну дочь.

Старшим из его отпрысков был Валентин. Крупный, статный, светловолосый и круглолицый, весь в отца, он отслужил в армии и готовился завести свою семью. Но что-то пошло не так.

Помнится, был тёплый сентябрьский вечер, настоящее бабье лето. Митя сошёл с трамвая и потопал к своему дому по тропинке меж картофельных огородов и заросших крапивой и полынью пустырей на месте разобранных в блокаду на дрова деревянных домов. Многие соседи либо копали невдалеке картошку, либо сидели на лавочках, радуясь и закатному солнцу, и мирному послевоенному небу, да и просто расслабленному ничегонеделанью после дневных трудов. Такая вот картина покоя и умиротворения, достойная кисти старых мастеров, картина понятных человеческих чувств и простых радостей. Если к этому ещё добавить мерный колокольный звон, плывший со стороны Серафимовского кладбища, то эта картина станет ещё выразительней, ещё более погрузит зрителя в созерцательную задумчивость и вечные чело-

веческие ценности... Недаром такой звон называется благо-вест.

И привычный шум поезда, идущего справа налево по верхней кромке этого картинного полотна никак не нарушал пасторальную идиллию вечера. Если бы... Если бы не жуткий крик, ворвавшийся вдруг в эту гармонию людей и природы, – навстречу поезду по путям бежал человек. Ещё миг, и в лучах закатного солнца брызнул фонтан из того, что только что было его мозгом, его мыслями, знаниями, мнениями и сомнениями...

Поезд встал, люди на лавочках и в огородах остолбенели – опять! И снова у нашего дома...

Кто-то уже выпрыгивал из поезда, кто-то спешил к нему через огороды. Перед поездом собралась толпа. А ещё через некоторое время по соседям поползло: «Это Валька, Валька Топорков... Ужас-то какой... А с виду вроде был нормальным парнем...»

Через пару дней, сидя с пацанами на лавочке, его отец, дядя Ваня, бубнил куда-то в пространство: «Деньги пропали... Всеи семьёй собирали... Ему на пальто... Всё из-за бабы. Она могла ему и своего тела подкинуть... Врачи сказали, что он сошёл с ума... А как они определили?.. Ведь его мозги у меня в сарае в кастрюльке лежат. Я их утром собрал, когда уже всё увезли...»

Митя подумал, что для тех, кто на фронте ходил в рукопашную, месяцами жил рядом со смертью, терял товарищей

и, бывало, убивал сам, собирать мозги в кастрюльку было делом будничным, заурядным, но ему тогда стало жутко. И вместо того, чтобы как-то посочувствовать страдающему человеку, он встал и ушёл.

Вторым по старшинству среди детей Топорковых был Николай, Коля. Пожалуй, самый интеллигентный, самый «городской» в семье, недавно перебравшейся в город из деревни. На свою беду, Коля всерьёз влюбился в смазливую официантку из дешёвого ресторанчика в парке. Митя как-то случайно увидел его, спрятавшегося за деревом и наблюдавшего за этой фигуристой и распутной бабёнкой. А потом Николай повесился. В деревянном сарае. В том самом, где когда-то стояла кастрюлька с мозгами его старшего брата Валентина.

Третьим ребёнком Топорковых была дочь Шура. Красивое лицо с необыкновенно большими печальными глазами. Она редко выходила из дому, поскольку сильно хромала – с рождения одна её нога была короче другой. Жили они на первом этаже, и её часто можно было видеть сидящей у окна. В картинных галереях мира висят сотни живописных полотен на тему «Женщина у окна», поистине глубокая и неисчерпаемая тема. Сменялись эпохи, страны, стили живописи, одежда и причёска, окружающие предметы... Но не книги, прятки и вязание привлекают зрителя в этих картинах. Художники пытались изобразить, прежде всего, Ожидание и Надежду, иногда – Печаль и Безысходность. Такую печаль и безысходность в облупившейся раме окна пацаны могли

часто видеть, гоняя мяч во дворе. Такими Митя и запомнил глаза Шуры Топорковой.

В их дощатом двухэтажном доме обитало несколько многодетных семей. Одна из них, семья Кантемировых, лишилась отца ещё в Финскую войну. Был в этой семье очень колоритный тип, Вовка Хромой – сапожник, пьяница, драчун и весельчак. Он ещё до войны лишился одной ноги, по своей шалости попал под трамвай. Вовка был старше всех пацанов в их дворе, чинил обувь всем жильцам дома и по совместительству гнал в сарае самогон, что по тем временам было очень даже наказуемо. Его любили за лёгкий нрав, за шутки-прибаутки и золотые руки.

Вот этот Вовка и углядел «барышню в окошке» – Шуру Топоркову. Мите довелось однажды видеть эту пару, возвращавшуюся из парка. Они шли рука об руку, сильно хромая на один бок. А главное, их лица светились от восторга. Казалось, весь мир вокруг замер и радуется неподдельному счастью этих калек.

Весь мир, но только не дядя Ваня Топорков. Будучи человеком крутого нрава и кондовой домостроевской патриархальности, он запретил Шуре не только встречаться «с этим шалопаем и пьяницей», но и вообще выходить на улицу. И снова можно было видеть в окне красивое девичье лицо с ещё более печальными, чем прежде, глазами.

А что же Вовка? Этот влюблённый Ромео, вместо того чтобы грамотно выстроить осаду и довериться целительному

бегу времени, запил. И в пьяном виде неоднократно пытался пообщаться с дядей Ваней, а потом и влезть в окно к Шуру. Будучи с позором выброшенным на улицу, он ушёл в ещё более крутой запой. Последний раз Митя его видел, когда он пытался прорваться на Митину свадьбу и затеял драку с гостями, вышедшими покурить на улицу. Митя тогда сгрёб Вовку в охапку и отнёс его в соседний подъезд, где Вовка благополучно заснул на лестнице.

Что касается Шуры... Долгой зимой, последовавшей за отцовским запретом, её не стало. Никто из соседей толком не знал, как это произошло. Хотя болтали всякое.

Потом все жильцы разъехались, оставив свои картофельные огороды и дровяные сараи, а дощатый дом их был разобран на дрова.

Митина мама как-то умудрялась общаться со своими прежними соседками, разбросанными по всему городу, при отсутствии не только нынешних мобильных телефонов и компьютеров, но и домашних телефонов в большинстве тогдашних квартир. Иногда она ездила на Ситный рынок, где стародеревенские частники торговали редиской и корешками. Короче, жиденский ручеёк новостей с прежнего места их обитания продолжал потихоньку журчать. Так Митя узнал, что его приятель Вовка Топорков по кличке Имай женился на Лёльке, шустрой белобрысой девчонке, жившей неподалёку в частном доме, но всё время проводившей в их дворе.

Вовка был Митиным постоянным соперником, они жили

по одной лестнице и часто дрались. Обычно Имай подждал Митю на площадке возле своей квартиры и нападал. Митя был выше его ростом и сильнее, а Имай – жилистей и проворней. Дрались они обычно до первой крови, у Мити был слабый нос, и при первой же встрече с Вовкиным кулаком кровь из его носа лилась в три ручья. Митина мама очень не любила отстирывать кровь с рубашек.

Но стародеревенское житьё-бытьё запомнилось Мите не только драками. За восемнадцать лет обитания в одном дворе были не только драки. И, уйдя во взрослую жизнь, он не затаил зла на Вовку. Митя всегда вспоминал всех своих тогдашних дружков-приятелей с теплом. В том числе и Вовку Имая.

Был он четвёртым ребёнком в семье Топорковых. Через некоторое время Митя узнал, что Вовка, якобы уличив молодую жену в супружеской неверности, зарубил её, а сам выкинулся из окна. Вот такой ужасный ужас. Бытовой, но всё равно ужасный.

Митины дети тогда смотрели по телевизору фильм-сказку «Варвара-краса, длинная коса». Там сказочное страшилище Чудо-Юдо высовывает из воды костлявую руку, хватает царя Еремея за бороду и кричит: «Должок!» – напоминая тому, что за своё давнишнее избавление от смерти Еремей должен отдать сына.

И осенило Митю тогда: дядя Ваня Топорков – не уподобился ли он царю Еремею? Не за свои ли избавления от смер-

ти на войне он расплачивается жизнью своих детей? Тем более что уходили они из жизни в том возрасте, в каком сам дядя Ваня смерти избегал.

Митя не верил ни в чёрную, ни в белую магию, – так ему было проще жить, иначе можно было с головой погрязнуть в болоте мракобесия, не имеющем ни дна, ни берегов. И в конце замутить себе и без того краткий «миг между прошлым и будущим»². Но история семьи Топорковых заставила его всерьёз задуматься.

Пятым в их семье был Юрка. Он родился уже после войны. О его судьбе Митя ничего не знал. Да и не хотел знать. Откровенно боялся. И очень надеялся, что тот дожил-таки до почтенных лет, обзавёлся детьми и внуками, продолжил род Топорковых. Преодолеl «родовое проклятие», в существовании которого Митя до сих пор сомневается.

Тем не менее, он всегда вздрагивает, когда слышит слова «чудом избежал смерти».

Довелось Мите как-то побывать в церкви Мадонны ди Монтенеро, что укрылась в живописных рощах на склоне Чёрной Горы – Монтенеро – в окрестностях итальянского города Ливорно. Сама церковь ему ничем примечательным не запомнилась – ни хуже, ни лучше десятка других небольших провинциальных католических храмов как в самой Италии, так и во Франции и в Бразилии, где ему довелось побывать. А вот пристройка к церкви впечатлила и Митю, и его

² Из песни «Есть только миг», слова Л. Дербенёва, музыка А. Зацепина.

спутников. В этой пристройке собраны подарки от людей, спасённых от верной смерти, как они сами полагали, Мадонной ди Монтенеро. Многочисленные колье, браслеты, серьги, перстни с драгоценными камнями, шпаги с позолоченным эфесом, эполеты и аксельбанты, рисунки и старинные фотографии (например, с изображением экипажа, повисшего над пропастью), какие-то открытки с описанием спасительных чудес...

Митины спутники только ахали, а он вспомнил Ивана Топоркова и пять его «чудесных» избавлений от смерти.

Бабушка Васса

Главный конструктор, доктор технических наук Дмитрий Георгиевич Сергеев сидел на лавочке посреди кладбища небольшого города Боровичи. Было самое начало сентября, день выдался солнечным и настолько тёплым, что пришлось снять пиджак и распустить галстук. Невдалеке его дочь Ксения хлопотала вокруг вертикально торчащей пластины чёрного камня с портретом его бабушки Вассы Васильевны Яковлевой, благообразной старушки в белом платочке. Такой её, наверное, и запомнили Егор и Ксюша, его дети.

Ксюша и уговорила его раздвинуть все дела и съездить на пару часов из Петербурга в Боровичи.

– С чего это вдруг? – недоумевал Дмитрий Георгиевич.

– Приснилась бабушка Васса, – пояснила дочь.

– Глупости. Наука считает, что сны никак не связаны с чьим-то потусторонним воздействием. Они суть продукт наших собственных мыслей и эмоций.

– Ну, папочка, пожалуйста, – Ксения обняла отца и прильнула щекой к его щеке, чего не случалось уже лет двадцать.

«В самом деле, отчего бы и не съездить?» – растаял Дмитрий Георгиевич. Он не был в Боровичах лет десять, с тех пор как не стало дядюшки Вити и его сыновья, московские полковники, продали узбекам дом на Порожской улице, построенный лет сто назад дедом Сашей.

Сказано – сделано. Поезд «Сапсан» от Питера до Окуловки, такси от Окуловки до ворот кладбища в Боровичах. И вот он уже, пригретый нежарким сентябрьским солнышком, млеет в неожиданно свалившемся на него состоянии расслабления, никак не соответствующем окружающим крестам, венкам и надгробиям. Действительно, уже много лет его жизнь расписана по минутам – проекты, совещания, заводы, верфи, испытания... И телефонные звонки, звонки, звонки... Дочь уговорила оставить дома оба мобильных аппарата. Там жена Марина будет решать, что в самом деле ЧП, а что подождёт до понедельника.

Взгляд Дмитрия Георгиевича скользнул с лика бабушки Вассы на соседний памятник красно-коричневого камня, где была выбита фраза: «Любимые не умирают, они просто перестают быть рядом».

«Хорошо сказано, – подумал он, – надо бы запомнить». И тут же задался вопросом: «А была ли бабушка Васса моей любимой бабушкой?» Ведь в его детстве она никак не вписывалась в облик доброй старушки, балующей внучат вкусными пирогами и защищающей их от строгих родителей. Скорее наоборот, была антиподом этого лубочного образа. Тем не менее, как он теперь понимает, именно бабушка Васса во многом вылепила его как личность. И чем дальше, тем больше он понимает смысл многих её высказываний. Чего только стоит её любимая поговорка «Не бойся больших расходов, бойся малых доходов». Или «Большие дела – большие хлоп-

поты». Какие у малыша могут быть доходы и расходы? Или «большие дела и большие хлопоты»? Мудрость многих её слов стала доходить до него только во взрослом состоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.